

—
Лекарство, которое дали Линь Цзыкую, действовало через вдыхание, чтобы усыпить его, а не через приём внутрь, поэтому его действие было не таким сильным.

Но сейчас ему всё равно было невыносимо плохо. Он не мог открыть глаза, его сознание было затуманено, а тело горело изнутри. Сквозь туман Линь Цзыкуй чувствовал, что рядом кто-то есть, кто-то, кто называл его по имени и говорил не бояться.

Этот знакомый голос успокаивал его.

В бреду он словно плыл в кипящей воде, когда вдруг почувствовал, как чьи-то руки снимают с него одежду. Линь Цзыкуй резко забился: «Нет, убирайся, убирайся...»

Сяо Фу никогда не слышал от него таких слов, как «убирайся». Он был ошеломлён, а затем с болью в сердце сжал пальцы Линь Цзыкуя и повторил: «Линь-лан, это я, я, я».

Постепенно дыхание Линь Цзыкуя успокоилось: «Сяо Чжаолин...» — сказал он с сильной гнусавостью и печально спросил: «Это ты?»

«Да, это я».

Линь Цзыкуй, кажется, осознал, что происходит. Хоть его голова была не совсем ясной, он всё равно отвернулся: «Не трогай меня».

«Сейчас я тебе нужен». Холодные пальцы Сяо Фу коснулись его кожи, и Линь Цзыкуй скрючил ноги, слегка изогнув тело, словно ему было стыдно. Сяо Фу понизил голос: «Ты мне доверяешь?»

Линь Цзыкуй сначала сказал «хм», а потом покачал головой: «Нет, не надо...»

«Хорошо, тогда подожди меня».

Сяо Фу отпустил его, встал и открыл ящик, покопался там, и наконец нашёл коробочку «Нефритового крема», которую приготовила ему мать.

В тот день, когда он вернулся, его комнату убрали. Резиденция маркиза Динбэя пустовала семь лет, и только несколько дней назад её начали приводить в порядок.

У Сяо Фу было всё необходимое. Он открыл крышку крема и понюхал его, но, конечно, ничего не почувствовал.

Вымыв руки, он взял немного крема. Он быстро таял между большим и указательным пальцами.

Линь Цзыкуй лежал на кровати, беспокойно то ли во сне, то ли наяву. Он услышал, что Сяо Фу ушёл, но не знал куда, и завернулся в плащ, который был на нём. Не услышав звуков, он невольно позвал: «Сяо Чжаолин...»

Голос был очень тихим, но Сяо Фу услышал его и быстро подошёл. Он сел рядом: «Я здесь».

Сяо Фу укрыл Линь Цзыкуя одеялом, растер двумя руками большой кусок крема, превратив его

в маслянистую субстанцию.

Линь Цзыкуй задрожал от его прикосновения. Сяо Фу спросил: «Тебе холодно? Я сделал слишком грубо? Тогда я буду нежнее».

Линь Цзыкуй замолчал, словно ему было невыносимо плохо. Он плотно сжал сухие, но красные губы, а белая повязка на его глазах промокла от слёз.

Сяо Фу, видя это, почувствовал, как сердце разрывается. Он одной рукой сжал его пальцы, переплетя их, и Линь Цзыкуй тоже невольно сжал его руку, очень крепко.

Сяо Фу сказал: «...Я знаю, ты не хочешь этого. Когда проснёшься, забудь об этом. Здесь безопасно, никто ничего не увидит, никто не узнает».

Вскоре Линь Цзыкуй свернулся калачиком и затих, а его пальцы, сжимавшие руку Сяо Фу, медленно разжались.

Сяо Фу поправил одеяло, укрыв его замёрзшие поджатые пальцы ног, а затем нашёл полотенце, чтобы вытереть руки.

Ладони Линь Цзыкуя сильно вспотели, и весь пот стекал ему на руки.

Сяо Фу спросил: «Теперь лучше?»

Линь Цзыкуй отвернулся, спрятав лицо в пушистом чёрном плаще Сяо Фу, то ли от стыда, то ли от смущения. Скорее всего, стыда было больше.

Сяо Фу молча откинул его влажные от пота волосы со лба. Линь Цзыкуй склонил голову, но не увернулся.

Сяо Фу нежно погладил его по волосам и спросил: «Линь-лан, ты голоден? Что хочешь съесть? Я велю приготовить».

Он всё ещё молчал. Сяо Фу вздохнул: «Ну, тогда я буду следовать указаниям врача».

Но Линь Цзыкуй ничего не ел, и поскольку его глаза были завязаны и он не двигался, невозможно было понять, спит он или бодрствует. Однако Сяо Фу слышал его дыхание: иногда тяжёлое, когда он бодрствовал, а иногда лёгкое и ровное, когда он спал.

Линь Цзыкуй был в полусне и полубодрствовании. Краснота на его лице уже сошла, но он всё ещё чувствовал себя очень беспокойно. Он весь вспотел, а его нижнее бельё было мокрым.

К трём четвертям часа суй (8:30 вечера) Янь Суй наконец привёз третьего господина Се из дворца. За ними следовало больше десяти императорских стражников.

У ворот резиденции герцога Чанго Янь Суй не пустил их дальше, сказав небрежно: «Я отведу третьего господина внутрь. Он должен осмотреть моего дядю. Вы просто ждите здесь».

Императорские стражники были личной охраной императора, и они никогда не сталкивались с подобным обращением со стороны других чиновников. Однако, как оказалось, другой стороной был принц Юньнаньского дворца, поэтому было неудобно провоцировать конфликт.

Командир Хуан мог только кивнуть: «Прошу молодого господина побыстрее вернуть третьего господина Се».

Он посмотрел, как Янь Суй и третий господин Се вошли, затем повернулся к подчинённым и приказал: «Идите и охраняйте боковые и задние ворота. Ни в коем случае не дайте третьему господину Се сбежать!»

Вэньтай боялся, что третий господин Се уйдёт, и он снова будет страдать от яда, поэтому приказал императорской страже следить за ним.

Третий господин Се не знал, что и сказать. Увидев Сяо Фу, он обвиняюще сказал: «Сяо Чжаолин, ты придумал отличный план! Зачем ты затащил меня во дворец?»

Сяо Фу не ответил, а просто потащил его в комнату: «Се Лаосань, пожалуйста, осмотри его, быстрее».

Он редко говорил так. Услышав это, третий господин Се ничего не сказал, сел и начал осматривать Линь Цзыкуя. Он снял белую повязку и посмотрел ему в глаза. Когда он коснулся глаз Линь Цзыкуя, тот внезапно проснулся и отчаянно замотал головой.

«Это я, господин Линь, я доктор Се! Тот, кто раньше дал тебе гу! Ты помнишь?» — доктор Се успокаивал его: «Я просто осматрю тебя. Не волнуйся, я известный лекарь, и я обязательно тебя вылечу».

Линь Цзыкуй сильно мотал головой и оттолкнул его руку.

Третий господин Се посмотрел на Сяо Фу и тихо сказал: «Кажется, нужно зажечь успокаивающие благовония. Он не в себе и никому не доверяет».

Сяо Фу, видя это, почувствовал боль в сердце и пошёл за благовониями.

В комнате зажгли свечу, и её мерцающий свет Линь Цзыкуй мог чувствовать, видя два нечётких тёмных силуэта. Один был ближе, это лекарь Се, а другой дальше — это Чжаолин.

Он беззвучно шевельнул губами.

«Госпожа Чжаолин...»

Вскоре Се Лаосань закончил осмотр и вытащил Сяо Фу, чтобы поговорить: «Левый глаз в порядке, там только небольшой прокол. Правый поцарапан, но твой дворцовый лекарь всё сделал хорошо. Чжаолин, помнишь, я давал ему тех гу? Я выращивал их десять лет, и благодаря им его глаза постепенно восстановятся. Это не такая уж большая проблема».

Сяо Фу прямо спросил: «Постепенно восстановятся? Это сколько?»

«Думаю, полгода. Нужно пить лекарство, которое я ему пропишу. Заодно я приведу в порядок его тело, потому что он очень ослаблен из-за долгих лет учёбы».

«Полгода...» — Сяо Фу кивнул. «Хорошо».

Се Лаосань: «Он сейчас часто видит кошмары, потому что пережил сильный шок. Я не знаю, кто с ним так поступил. Постарайся его не волновать».

«Не буду».

Се Лаосань: «Ну, тогда мне пора возвращаться во дворец. Император прислал императорскую стражу, и я должен вернуться до часа хай (21:00 - 23:00)».

«Он сказал тебе вернуться в час хай, и ты вернёшься? Линь Цзыкую ещё нужно заварить лекарство. Пусть эти негодяи из императорской стражи ждут, хоть всю ночь», — лицо Сяо Фу стало холодным, когда он услышал слово «император». «Посмотрим, кто посмеет войти и забрать тебя!»

«... О, тогда я пойду заварю лекарство?»

Сяо Фу сказал «м-м» и снова вошёл в комнату. Линь Цзыкуй уже сидел на кровати. У него не было других травм, и одежда на нём была опрятной — это Сяо Фу помог ему переодеться. Он съёжился в углу кровати. Когда Сяо Фу вошёл, он сначала позвал: «Вторая... госпожа Чжаолин».

Этот переход был очень странным, и Сяо Фу это заметил. Но он сохранял невозмутимость и ласково сказал: «Хорошо, что ты проснулся, Линь-лан. Доктор Се пошёл заваривать тебе лекарство, а я принёс тебе ужин. Я тебя покормлю».

Он принёс миску куриного бульона, поднёс ложку к губам Линь Цзыкуя и сказал протяжно «а», чтобы тот открыл рот: «Горячо? Почему ты не пьёшь, Линь-лан?»

Линь Цзыкуй долгое время качал головой, но потом открыл рот и выпил бульон.

«Хорошо, что выпил».

Сяо Фу почувствовал себя немного спокойнее. Линь Цзыкуй опустил голову, пил глоток за глотком, а затем спросил: «Госпожа Чжаолин, где я?»

«В одной из резиденций в Цзиньлине. Здесь безопасно, никто тебя не обидит».

«Как я здесь оказался...»

«Ты помнишь сигнальную стрелу, которую я тебе дал?»

Линь Цзыкуй вспомнил.

Значит, она его спасла.

«Спасибо тебе», — прошептал он с опущенной головой.

Сяо Фу не спросил, кто причинил ему зло. Он отставил пустую миску и вытер ему рот. Линь Цзыкуй хрипло сказал: «Мне приснился очень плохой сон».

Сяо Фу погладил его по голове: «Раз уж он плохой, забудь о нём».

«Мне приснилось, что госпожа Сяо хотела расторгнуть со мной помолвку».

Рука Сяо Фу на мгновение замерла в его волосах, а затем он очень естественно опустил её и похлопал его по плечу: «Сны — это наоборот. Забудь об этом».

Линь Цзыкуй ничего не ответил. Он смутно различал реальность и сны, но не был уверен. Всё было очень запутано.

Видя, что он молчит, Сяо Фу сам заговорил: «Линь-лан, когда ты хочешь жениться? Скоро будет праздник фонарей, давай поженимся весной, когда тебе станет лучше, хорошо?»

Линь Цзыкуй молчал, а затем сказал: «Я хочу вернуться».

«Куда вернуться? В храм Синчжи? Завтра я отвезу тебя обратно».

Линь Цзыкуй покачал головой.

Сердце Сяо Фу сжалось: «Тогда куда ты хочешь вернуться? Я пойду с тобой куда угодно».

«Я хочу вернуться в уезд Фэнтай», — сказал он.

«Домой...» Сяо Фу ответил: «Тогда я отвезу тебя туда, ты поклонись могилам родителей, а потом мы вернёмся и поженимся, хорошо?»

«Я... не вернусь в Цзиньлин», — его голос был сухим и очень печальным. «Я разбил очки, которые ты мне подарила. Я ничего не вижу и не смогу участвовать в весенних экзаменах».

Сяо Фу замолчал, а через мгновение сказал беззаботным тоном: «Доктор Се сказал, что через полгода ты полностью поправишься. То, что он тебе дал, — это бесценное сокровище. Если он сказал, что ты поправишься, значит, так и будет. Он никогда не врёт. К тому же, я обещал тебе, что ты получишь высший балл на экзаменах и проедешь по городу на коне. Я, Сяо Чжаолин, всегда держу своё слово».

«Госпожа Чжаолин!» — Линь Цзыкуй говорил более решительно. В этот момент его настрой резко упал, и он сказал расстроенным голосом: «Прости...»

«Тихо», — Линь Цзыкуй не успел договорить, как Сяо Фу приложил палец к его губам.

Он легонько надавил указательным пальцем на его губы: «Линь-лан, просто поверь мне на этот раз, хорошо?»

Линь Цзыкуй, конечно, не мог верить. Он и не осмеливался верить. Он даже... не знал, кто такая Сяо Чжаолин. Существует ли она на самом деле? Может, это был сон? А то, что произошло сейчас... тоже сон?

Он всё помнил, но слой за слоем иллюзии окутывали его, и Линь Цзыкуй не мог разобраться. Он знал только, что после более чем десяти лет усердной учёбы он оказался в таком положении, преданный друзьями, которых считал таковыми...

Тогда Тан Мэнъян спас ему жизнь от фракции Сюй.

Когда он бил в барабан у ворот префектуры Шуньтянь, Тан Мэнъян остановил его: «Чиновники прикрывают друг друга. Если ты попадёшь в Шуньтянь, тебя ждёт только смерть! Если ты хочешь подать жалобу, то только самому императору!»

Одно доброе слово дороже тысячи золотых.

Но в водовороте чиновничества брат Тан тоже стал членом фракции Сюй и давно потерял свои идеалы.

До этого случая характер Линь Цзыкуя был твёрд, как скала, и непоколебим.

Чтобы жениться на второй госпоже, он должен был получить высокий ранг.

Чтобы реформировать правительство, он должен был стать чжуаньюанем, быть честным в

должности, справедливым в делах и чистым в помыслах! Никто не мог пошатнуть его решимость.

Он хотел спасти страну от кризиса и народ от бедствий.

Но сегодня Линь Цзыкуй вдруг понял, что не может спасти даже самого себя. Его воля рухнула, и он был разгромлен. Как он сможет в одиночку выжить в этой тёмной бездне, где нет просвета?

Возможно, он никогда не увидит света...

Но какой-то голос постоянно звучал в его ушах, заставляя его поверить ему...

«Линь-лан, скажи мне, ты всё ещё хочешь получить высокий ранг?»

«Хочу...» — ответил он невольно.

«Но я не смогу этого сделать», — тихо сказал он.

Сяо Фу: «Ты сможешь».

Линь Цзыкуй не ответил. Пламя в его сердце угасло, остался лишь маленький уголёк, тихо тлеющий в углу.

Лекарство, заваренное Се Лаосанем, было готово. Сяо Фу напоил Линь Цзыкуя. Тот молча выпил его, не жалуясь на горечь.

Сяо Фу знал, что он не любит вкус лекарств, поэтому сам положил ему в рот две засахаренные сливы.

«Если мало, скажи».

Линь Цзыкуй тихо кивнул: «Хорошо».

Сладкий вкус распространился по всему рту.

«Сяо Чжаолин...»

Это имя пронеслось в его голове.

Девять вечера давно прошли. Стражники, видя, что третий господин Се не выходит, положили руки на рукоятки своих мечей.

Если он не выйдет, они не смогут вернуться во дворец с докладом, и им придётся ворваться силой!

Се Лаосань сказал Сяо Фу: «Лекарство готово, может, мне всё-таки пойти с ними во дворец? Чжаолин, у меня с собой столько ядовитых гу, что я не боюсь идти во дворец. Что может мне сделать император?»

Сяо Фу покачал головой: «Третий брат, не торопись. Пока я не разрешу тебе уйти, никто тебя не тронет».

Снег падал на улицу, покрывая крыши. Сяо Фу в своём синем плаще с белым лисьим мехом,

который развеивался на холодном ветру, шёл по хрустящему снегу. Он переступил порог резиденции герцога Чанго, остановился и спокойно сказал: «Командир Хуан».

Командир императорской стражи, который собирался ворваться, крепко сжал свой меч. В его глазах читалась глубокая настороженность.

«Сегодня ночью третий господин Се не пойдёт с вами во дворец. Вернитесь и доложите императору, чтобы он приехал в резиденцию маркиза Динбэя через десять дней. Я велю третьему господину избавить его от яда».

Его спокойный голос был подобен огромному камню, упавшему в воду.

Командир Хуан был ошеломлён: «Ч-что...»

Сяо Фу: «Просто запомните и передайте императору мои слова дословно».

Это было слишком важное сообщение, и командир Хуан не мог принять решение. Он поднял голову и посмотрел на Сяо Фу.

Лицо Сяо Фу было очень холодным. У него были от природы изогнутые глаза, что делало его лицо красивым, но с глубоким, скрытым смыслом.

Сегодня он, казалось, внезапно проявил милосердие, его лицо было в тени, и он выглядел немного как демон: «Если сегодня вы, императорская стража, силой попытаетесь забрать третьего господина, я обещаю, что яд будет мучить императора всю его жизнь. Моё слово — закон».

Командир Хуан сегодня видел, насколько могущественен третий господин Се. Он применил небольшой трюк, и боль императора тут же прошла.

Поэтому император ни за что не хотел его отпускать. Когда пришёл наследник Янь, только после долгих уговоров императрицы-матери, которая услышала, что герцог Чанго болен, император согласился отпустить его.

Взвесив все «за» и «против», командир Хуан решил согласиться: «Я вернусь во дворец с докладом и как можно скорее сообщу ответ маркизу».

Сяо Фу ничего не сказал, просто высокомерно смотрел, как они уходят, затем повернулся и вошёл в резиденцию.

Се Лаосань, прятаясь за дверью, схватил его за меховой воротник и недоверчиво сказал: «Сяо Фу, ты сошёл с ума? Хочешь избавить императора от яда?»

«Третий брат, что такого в том, чтобы избавить его от яда? Я не собираюсь делать это по-настоящему, просто обману его».

«Но ты... так сказал! Ты меня напугал! Император убил твоего доверенного человека, несколько раз покушался на твою жизнь. Ты ведь говорил, что будешь мучить его всю жизнь».

Сяо Фу безразлично кивнул и сказал: «Я передумал. Лучше пусть он умрёт».

Се Лаосань: «...»

«Почему ты вдруг хочешь, чтобы он умер?! Ты же говорил, что пусть Юйвэнь Дуо и принц

Чжао сражаются насмерть. Когда ты передумал? Он сегодня тебя разозлил?»

«Только что передумал». Сяо Фу, чьи решения всегда быстро менялись, сказал невинным тоном: «Мой Линь-лан должен сдать весенние экзамены, а они будут уже менее чем через два месяца. Ему нужно выздороветь, он не успеет. А если император умрёт, будет период траура, и весенние экзамены отменят».

Се Лаосань был в шоке.

Сяо Фу наклонил голову: «Иначе, кого мне убить? Если умрёт императрица-мать, мой отец будет грустить. Так что лучше убить Юйвэнь Дуо. Кто виноват, что он такой дурак».

—

<http://bllate.org/book/14420/1274668>